

В.К. Васильев

ЦЕРЕМОНИАЛ ПОДГОТОВКИ К БИТВЕ (на материале древнерусских воинских повестей)

В работе «Поэтика древнерусской литературы» Д. С. Лихачев рассматривает понятие «церемониал» как синоним понятия «литературный этикет» [1, с.345]. В том же значении оно предлагается и автором настоящей статьи. Оба понятия более сложны, чем могут показаться на первый взгляд. Они - явления одновременно литературного и не литературного порядка. Этикет есть в жизни. Церемониальность организует культуру. Картина мира, мировоззренческие представления средневекового человека в высшей степени упорядочены, в том числе этикетны.

Задача данной статьи заключается в том, чтобы *выявить и описать представления средневекового книжника, а вместе с ним и воина, и любого христианина о нашествии врага и битве.*

Нас всегда будет интересовать то, как жили наши праотцы, во что они веровали, за что жертвовали жизнью. Мы всё больше и больше осознаем, что связаны с прошлым самыми непосредственными, живыми и нерасторжимыми узами. В детальном и глубоком понимании не только ближайшего, но и далекого прошлого есть насущнейшая необходимость, без этого невозможно понять день сегодняшний и себя в нем.

В.О. Ключевский заметил о Герберштейне [2], посетившем Московское государство в XVI в.: «Герберштейн, наблюдавший Московию при отце Грозного, вынес такое впечатление, что для нее мир - случайность, а не война» [3, с.196]. Данное заключение можно распространить не только на годы правления великого князя Василия III, но на всю эпоху средневековья. «Острый мечю, борзый коню - многая Руси» [4, с.254] - эти слова венгерского полководца Фильнея донесли до нас летопись XIII в. Они характеризуют Русь как воинское государство.

Описывая фигуру князя в литературе XI-XIII вв., Д.С. Лихачев замечает: «Главные добродетели князя - быть «величавым на ратный чин», быть готовым жертвовать своей жизнью за свою честь, за честь Русской земли, мстить за свой «сором» или «сором» Руси» [5, с.48]. Но не только князю предписывалось быть воином. В годину опасности на защиту своей земли становился каждый, кто мог держать оружие. Судьба воина - походы, ранения, гибель на поле брани - типична для человека средневековья.

Выход на врага - начало пути воина. Мировоззренческие представления средневековья породили целый церемониал подготовки русского войска к битве [6]. (Д.С. Лихачев отмечает, что «сборы на врагов - этикетный момент» [1, с.355].) Он регламентирует поведение не только воинов, но и тех, кто остается дома и не будет участвовать в сражении.

Церемониал исполнен мольбы, страха и решимости, красоты и горечи одновременно. Всё характеризует высшее напряжение духовных сил в Русской земле перед предстоящей битвой.

Функция церемониала проста: вымолить помощь у небесных сил, призвать Господа, Богородицу, святых на бой против врага, самим укрепиться в духе, очиститься и приготвиться к предстоящему смертному испытанию. Ибо, по словам летописца, «не от помощи человекомъ победа, нь отъ Бога» [6, стб. 801; 7] (здесь и далее курсив в цитатах наш. - В.В.). И «то есть мужество, еже уповати на Бога; а человеческая помощь ничтоже есть» [8, стб. 433]. Заметим, что один из смыслов обращения Руси в христианство заключался в идее прибежища под покровительство небесных сил, помощи небесного «христового воинства» в борьбе с внешними врагами. Первая молитва князя Владимира Киевского, согласно проложным житиям, содержала следующие слова: «Господи, Царю небесный, и призри. Господи, на новокрещение люди сия и дай же им, Господи, увидети Тебе, истиннаго Бога <...> и мне помози, Господи, на противныя врагы, да надеюся на твою силу и помощь и попру вся козни их» [9, с.430; ср.: с.428]. (В интересующем нас ниже «Сказании о Мамаевом побоище» великий князь Дмитрий Иванович перед выходом из Москвы навстречу татарам молится в Успенском соборе: «...приими, Господи, оружие и щит и стани в помощь мне <...> И ты, Госпоже Пресвятаа Богородице, пошли нам свою помощь и нетленную свою ризю покрый нас. <...> Вем бо, Госпоже, аще хочещи, и можещи нам помощи на противныя сиа врагы <...> на тебя надеемся и на твою помощь» и т.д. [10, с.32]. На татар воины бросаются с криком: «С нами Бог!», «Боже христианский, помози нам!» [10, с.43]. Интересно, что татары молятся своим богам: «Перуну и Салавату, и Раклиу и Гурсу, и великому своему пособнику Махмету [10, с.45]. Славянские Перун и Хоре (Гурс) попали в этот ряд, потому что это боги языческие.

Элементы церемониала можно зафиксировать, прежде всего, в «воинских повестях». Наиболее ярко, что вполне естественно, церемониал выражен в относительно поздних произведениях (московского периода) данного жанра, которые повествуют о значительных сражениях и победах русских. Мы выбрали для анализа наиболее показательные: «Сказание о Мамаевом побоище» (далее - «Сказание»), «Казанскую историю» [см.: 11, с.300-565], «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» [см.: 12, с.400-477] (далее - «Повесть»).

«Сказание», повествующее о событиях лета и осени 1380 г., написано предположительно в первой четверти XV в. - не позже конца XV в. [см.: 13, с.185-199; 14, с.342; 15, с.376-377]. Самый ранний список «Сказания» («Основной» редакции - он будет интересовать нас в первую очередь [см.: 10, с.25-48]) датируется второй четвертью XVI в. Время написания «Казанской истории» (в центре которой изображение взятия русскими Казани в 1552 г.) - 1564-1565 гг. [см.: 16, с. 20-21]. Цитируемое нами произведение опубликовано по списку 60-х гг. XVII в., который характеризуется издателями как «наиболее полный список первоначальной редакции» [11, с.603]. В «Повести» иконописец Василий рассказывает о пятимесячной осаде г. Пскова войсками Стефана Батория в 1581 г. Автор сам был среди осажденных и написал свое произведение по следам событий [17]. Таким образом, рассматриваемые нами тексты создавались в период XV-XVI вв.

Структура церемониала подготовки к битве (выхода на врага) включает в себя:

- *молитвы и молебны;*

отпущение грехов, благословение князя (царя) и воинов митрополитом (другим авторитетным духовным лицом);

- *прощание и наказ остающимся.*

Подготовка к битве невозможна без воинского совета, смотра войск и т.п. Это тоже составляющие церемониала, что весьма наглядно выражено в «Казанской истории» - в наименовании глав № 49-51: «Совецание царя и великого князя со своими боярами о Казани», «*Ответ* ко царю и великому князю от всех вельмож его и воевод», «*О собрании* русских вой и о *расмотрении* их». Однако совет, смотр и т.п. - вполне рациональные моменты в подготовке к сражению, они присутствуют в военном деле всех времен и народов, нас же интересуют средневековые духовные, христианские представления, связанные с нашествием и битвой.

Молитвы и молебны начинаются сразу после того, как гонец приносит весть о приближении врага или принимается решение выступить самому великому князю (царю) против неприятеля. Князь Дмитрий Иванович в «Сказании» начинает молиться «пред святою иконою Господня образа» [18], только услышав, «яко грядеть на него безбожный царь Мамай и съ многими ордами и съ всеми силами» [10, с.28]. Услышав об «измене казанцев», Иван IV молится со слезами: «Суди, Господи, обидящая ми и возбрани борющая ми, и прими оружие свое и щит, и востани в помощь мою» [11, с.442] и пр. Одно из первых его подготовительных дел после принятия решения выступить на Казань - молебен в Благовещенской церкви. Затем он велит совершить молебен митрополиту Макарию со всем церковным чином, о чем рассказывается в главе 53 «*О молитве и о молениях царя и великого князя*» [см.: 11, с.452,454]. (Заметим, что название и содержание глав № 52-54 «Казанской истории» в полной мере раскрывают семантику описываемого церемониала.) В Коломне Грозный молится в храме Успения перед иконой Богородицы, «иже была на Дону с преславным и великим князем Дмитрием» [11, с.460].

Молитвословия охватывают всех и продолжают «безпрестанно», «день и ночь». В «Повести» описывается начало молебнов за царя и все православное христианство перед приходом противника. Устраивается крестный ход вокруг города. «*И вкупе еси братолюбие, священнический чин и воинские, и весь мужеский пол и женский, от мала и до велика, смиренномудрием и братолюбием непрестанно в сердцах своих Богу моляше*» [12, с.426]. В ночь перед сражением Дмитрий Донской велит русским полкам: «...в сию ночь бдите и молитесь, мужайтесь и крепитесь, Господь с нами, силен въ бранех» [10, с.39]. Последнее же богослужение (до сражения) в войске происходит 8 сентября утром, перед началом битвы (в день Рождества Богородицы) [19]. «Беспрестани» звучит молебен и у стен Казани перед решающим штурмом. Вместе с царем «вся земля Руская испусти вопль безгласный ко всеилному Богу, исполняема неповинными кровми» [11, с.508].

Молитвенная, духовная напряженность еще более возрастает в решающие, критические моменты (как в приведенном выше примере: перед последним штурмом Казани) или в случаях свидетельства Божьей помощи. Яркий пример тому - приход в русское войско в тайне от отца Андрея и Дмитрия, сыновей противника Москвы литовского князя Ольгерда. (Автор допустил ошибку, так как не знал, что они состояли на службе у московского князя, а их отец умер еще в 1377 г. [см.: 14, с.348].) «Господь Бог посла нас к тебе на твою помощь», - говорят они великому князю (и, конечно, эти слова нужно понимать буквально). Получив известие о приходе Ольгердовичей, митрополит «посла въ вся съборныа церкви и въ обители, повеле *сугубо* молитву творити *день и ночь*». Великая княгиня Евдокия, «слышав то *великое Божие милосердие* и нача *сугубы* милостыни творити и *непрестанно* нача ходити въ святую церковь молитися *день и ночь* къ Вседръжителю Богу» [10, с.37]. В переломный момент битвы Дмитрий Вольнец советует воинам засадного полка «Богу молитися *прилежно* и призывати святых на помощь» [12, с. 44]. Также в «Повести», когда псковичи видят, что «уже литовская сила на стенах и в башнях, и со знаменами ходят, и во граде стреляют», они не просто молятся, но «*кричаши и гласы ревуще, и в перси своя бьюще, и Богу и Пречистой Богородицы молящуся*» [12, с.442].

После победы обращение к силам небесным из молитвы-просьбы превращается в молитву-благодарение и поминовение погибших [см.: 10, с.48]. Имена убиенных на брани на вечное поминание заносятся в поминальные книги, Синодики.

Отпущение грехов и благословение. Дмитрий Иванович со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским и другими князьями получает благословение у своего духовного отца Сергия Радонежского [см.: 10, с.31; 20], затем митрополит Киприан отпускает грехи великому князю и дает ему свое благословение [21]. Он же «посла богосвященный съборъ свой съ кресты и съ святыми иконами и съ священою водою въ Фроловъския врата и въ Никольские и в Констанътино-Еленския, да всякъ въинь благословень изыдетъ и священою водою кроплень» [10, с.32]. В Коломне обряд благословения повторяется [см.: 10, с.34; 22].

«О благословении митрополитом царя и великого князя и все воинство его...» ~ так называется 54 глава «Казанской истории». Ивана IV благословляет на поход митрополит Макарий со священниками. «Епископи же и попове во дверех церковных стояху и благословляху все христолюбивое воинство, и святою водою кропляху. И благословени быша от святителей вся воя от мала и до велика» [11, с.456, 458]. Перед решающим боем царь «взем благословение и прощение от духовнаго отца своего» Андрея [11, с. 514].

После исповеди и причащения воины «приготовишася чисти к подвигу смертному приступити» [11, с.508].

Прощание и наказ остающимся. Жены, дети, близкие прощаются с мужчинами, уходящими на поле брани. «Княгини же великая Евдокея (так!), и княгини Владимирова Мариа и иных православных князей княгини, и многы жены воеводския, и боярыни московския, и служниа жены ту стояще, проводы деюще, въ слезах и въ склицании сердечней не могуще ни слова изрещи, отдавающе последнее целование» [10, с.33]. Можно предположить, что смысл обряда целования перед воинским походом заключался в пожелании оставаться здоровым, целым и невредимым, прощении прошлых обид и грехов и одновременно прощанием перед лицом смерти. (См., например, в «Казанской истории» описание последних минут жизни великого князя Василия III: «... тихо возлег на одре и конечное целование и прощение дав великой княгине своей Елене и всем князем и боляром приказным своим и успе вечным сном» [11, с.358]. Д.С. Лихачев пишет об изображении обряда целования в миниатюрах: «Можно по знакам представить себе, что означало, например, в древнерусском «целование»; это не поцелуи в нашем смысле: две фигуры приветствуют друг друга, обнимая за плечи». [1, с.301]) В «Повести» псковичи, прежде чем выйти на бой в пролом стены, перед лицом смерти, прощаются с женами и детьми, освобождая друг друга от земных грехов.

Остающиеся дома должны подчиняться, если так можно выразиться, сакральному этикету поведения. В главе 52 «Казанской истории» («Наказание царя и великого князя ко царице своей Анастасие») Иван Грозный, дав жене Анастасии «целование и здравие», дает ей и наставление: «Аз тебе, о жено, повелеваю никакже скорбети о моем шествии, но пребывати в подвизах духовных и в посте и в воздержании и часто приходити к церквам Божшим, и многи молбы творити за мя и за ся, и милостыню убогим давати, и бедных милувати, и в царских наших опалахразрешати, и в темницах заключеных испущати <...> То же слово и брату своему наказу» [11, с.452]. Анастасия после ухода мужа затворилась в своих палатах. «И вся оконцы позакры, света дневнаго зрети не хотя, доколе царь с победою возвратится. И в посте и молитве пребываша день и ночь, Бога моля о супруге своем, нань же пошел есть, орудие свое и то непредковенно да исправится ему, с веселием и радостию да придет к ней во своя, и оба да престанут от печали своя, и сетования и туги» [11, с.452, 454].

Не только женам князей, воевод и служилых предписывается придерживаться аскетического поведения, но и «все бесчисленное множество великого московского народа» по велению царя должно за него, а значит и за победу русского войска в церквах и особенно дома (!) «прилежно Бога молить и пост держати по силе своей з женами своими и з детьми» [11, с.458]. «Преславный» город Москву Иван IV, отъезжая на битву, передает «въ Божий руце и Пречистой Богородицы» [11, с.452].

В «Повести» архиепископ новгородский и псковский повелевает «началником священнического чину, и всему священническому и дьяконскому чину <...> и на пост, и на коленное поклонения, и безпрестанное к Богу моление, и чистоту, и целомудрия, и братолюбие, и на вся благия детели научают; и детей своих духовных научати повелевает» [12, с.424].

Таким образом, битва и приготовление к ней - особое время и состояние. Их характеристики вытекают из представлений о посланном свыше испытании Русской земле.

Нашествие врага понимается как выражение гнева Всевышнего за грехи христиан. Еще в «Повести временных лет» перечислены казни, посылаемые свыше на землю грешников. «Наводит бо Богъ по гневу своему иноплемьныки на землю <...> Земли же согрешивши которей любо, казнить Богъ смертию, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусеницею, ли инеми казньми» (под 1068 г.) [23, с.180]. «Се бо на ны Богъ попусти поганьы <...> да быхомъ ся востягнули от злыхъ дель. Симъ казнить ны нахоженъемъ поганыхъ; се бо есть батогъ его да негли встягнувшися вспомянемъся от злого пути своего» и

далее (под 1093 г.) [23, с.232; 24]. Эти мотивы звучат и в «Сказании» [см.: 10, с.25,28,32,44], и в «Казанской истории» [см.: 11, с.371].

Во время битвы должно быть оставлено все злое - греховные, трусливые и лукавые замыслы (вероятно, заговоры, амулеты и прочие языческие атрибуты). Воины могут сражаться только «во имя Божие». В «Повести» они дают клятву биться «безо всякой хитрости» [12, с.416] и затем подтверждают ее: «яко же начахом по Бозе и совершите безо всяких хитрости» [12, с.452].

День битвы - день грозный суда Божьего для Русской земли. Поле брани - место, суженое Богом, «гроб за имя Христово...» [12, с.64]. Враги - орудие Божьей мести. Дмитрий Донской просит Господа не до конца прогневать-ся [см.: 10, с.28; ср. молитву Грозного: 11, с.368,370], т.е., наказав, смилостивиться и даровать победу. Бог судит не только Русскую землю, но и ее противников. Победа - воздаяние врагу, познание славы Господа и возвышение христианского рода. День победы - день радости и веселия, сотворенный Господом. И день великого плача по убиенным [см.: 10, с.46-47]. Поражение же - свидетельство глубины греховного падения и наказание за него. Враг побеждает не потому, что на его стороне Бог, а потому, что Богу надо «казнить» грешников [25] и очистить их тем самым от греха. «*Богъ кажетъ рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато искушено к горну: хрестьяномъ бмногими скорбми и напастми внити в царство небесное*» [23, с.242].

Время битвы - это молитвенное время духовного очищения, покаяния, перед предстоящим судом Божиим и возможным смертным часом [26]. (Отсюда обычай надевать чистое перед последним боем.) Это время единения, соборности, когда «вкупе все», и воины, и те, кто остается дома, соединяются в устремлении против сил зла, устремлении выстоять и победить. (В «Сказании» и в «Казанской истории» авторы изображают единение Русской земли, в «Повести» - единение защитников г. Пскова.)

Время битвы - это время мученического подвига. Многим из воинов придется пролить свою кровь за веру, Русскую землю и великого князя (царя), а кому-то и сложить головы, т.е. принять от Бога мученические венцы. «Храбрости же и мужеству <...> настоит время» [12, с.452]. «Время, время пришло! Вовремя дело-подвиг показати и на страсть дерзновение учинити!» [27, с.46]. (Добавим, что это время потрудиться и добыть традиционные для ранних воинских повестей «честь и славу».)

Волею автора «Казанской истории» дьякон произносит последние слова литургии: «И будет едино стадо и един пастырь» [11, с. 512; 28] - и в согласии и продолжении молитвы гремит взрыв, поднимающий на воздух крепостные стены города. Божественная литургия и битва сливаются таким образом в единое целое. В.Н. Топоров, характеризуя русскую «версию святости», в частности, пишет: «сильно и актуально упование на то, что это святое состояние может быть предельно приближено *здесь и сейчас* (литургия уже есть образ этого состояния)» (курсив В.Т.) [29, с.9]. Сливающаяся с литургией битва также - святое время и святое состояние.

Сражение с врагом в представлении средневекового книжника - мистерия космического масштаба. В бой вступают воины земные и небесные, в схватке сходятся Свет и Тьма, силы Добра и Зла. Бог, Богородица, все Христово воинство, прежде всего святые - защитники Русской земли зримо и незримо участвуют в сражении. Отсюда сюжеты о спасении городов и целых земель представителями небесного воинства, победе над врагом креста, икон. Отсюда постоянные описания «видений» (открывающихся людям особой духовной чистоты) - свидетельств участия в бою небесных сил (святых, ангелов), описания случаев, когда трупы врагов лежат там, где не ступала нога русского воина и т.п.

Таковы основные представления о битве, сложившиеся в русской средневековой культуре под влиянием христианства. Без их понимания невозможно уяснить смысл и сущность воинского служения и подвига как во времена средневековья, так и в новое время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев. Д.С. Избранные работы: В 3 т. - Л., 1987. - Т. 1.
2. Сигизмунд Герберштейн (1486-1566 гг.) - австрийский дипломат, побывавший в России в 1517 и 1526 гг. Он написал ставший широко известным европейскому читателю труд о Московии. (См.: Герберштейн С. Записки о Московии. - М., 1988.)
3. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. - М., 1988.
4. Галицко-Волынская летопись // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. - М., 1981.
5. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. - Л., 1987. - Т. 3.
6. Полное собрание русских летописей. - М., 1998. - Т. 2.
7. Ср. заповедь А.В. Суворова: «Молись Богу! от него победа». (Суворов А.В. Походы и сражения в письмах и записках. - М., 1990. - С.371)
8. Полное собрание русских летописей. - М., 2000.-Т. 15.

9. Карпов А. Владимир Святой. - М., 1997.
10. Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О.П. Лихачева. - Л., 1982.
11. Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. - М, 1985.
12. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. - М., 1986.
13. Дмитриев Л. А. О датировке «Сказания о мамаевом побоище» // Труды Отдела древнерусской литературы. - М.-Л., 1954.-Т. 10.
14. Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла [10].
15. Дмитриев Л.А. Сказание о мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV-XVI в.) Ч. 2. Л-Я.- Л., 1989.
16. Моисеева Г.Н. Казанская история// Казанская история. - М.-Л., 1954
17. См. замечательную статью В.И. Малышева о данном памятнике в кн.: Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / Подгот. текста и ст. В.И. Малышева. -М.-Л., 1952.-С. 5-31.
18. Приводим комментарий к этой сцене: «Нерукотворный Спас - изображение лика Христа на убрусе (плате) - особо почитаемый тип иконы Христа; по преданию, он сам «запечатлел» свой образ на полотне для царя Авгаря. Не случайно в данном эпизоде называется эта икона: 16 августа (т.е. во время подготовки к Куликовской битве) - празднование в честь Спаса Нерукотворного. Кроме того, Нерукотворный Спас выступал как боевое знамя, он был изображен на главном знамени великого князя и, может быть, на знаменах полков» [10, с.393].
19. Авторы комментария к «Сказанию», опираясь на цитату в тексте из воскресной службы 7-го гласа, отмечают: «Высчитав с помощью пасхалии день пасхи в 1380 г. (25 марта) - а от этой точки идет счет времени церковного года, можно удостовериться, что на 8 сентября приходилась суббота 7-го гласа. Из этого следует такой вывод: участники битвы, несомненно, совершили богослужение перед битвой» [10, с.402].
20. Об отношении к эпизоду благословения Дмитрия Сергием Радонежским как к легендарному см.: Тихомиров М.Н. Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. - М., 1959. - С. 346,347; Егоров В.П. Пересвет и Ослябя//Вопр. истории. 1985.-№9.-С. 177-183; Кучкин В. Свидание перед уходом на Дон или на Вожу? // Наука и религия. -1987. -№7. -С. 50-53; Кучкин В. А. О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы //Вопросы научного атеизма. - 1988. -Вып. 37. - С. 100-116.
21. Эпизоды «Сказания» с участием Киприана также носят легендарный характер. В действительности митрополита в это время не было в Москве [см.: 14, с. 338-340]. Л.А. Дмитриев отмечает, что «автор «Сказания» рисует эту этикетную ситуацию в своем произведении вопреки историческим фактам» [14, с.340]. Как в предыдущем, так и в данном случае важно то, что требование этикетности сыграло решающую роль в описании церемониала благословения воинов на битву.
22. «В месте сбора русских войск в Коломне на пути их против Мамаю предварительно воздвигается самый крупный из всех русских храмов того времени - Успенский. Тем самым походу русских войск придавался религиозный характер» [5, с. 97], - пишет Д.С. Лихачев.
23. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI - начало XII века. -М., 1978.
24. Нашествие врага, начало войны есть указание народу и его правителям на их греховность, не греховность «вообще» (живущую в природе человека изначально), а заключенную в их повседневной, личной и коллективной жизни, которая в какой-то момент начала строиться по законам лжи, «по кривде». Началом войны (казню Божьей) предписано покаяние, очищение. Приступая к характеристике творчества Серапиона Владимирского (ум. 1275 г.) - призыв к духовному очищению во времена татаро-монгольского ига был основным мотивом его проповедей - В.Н. Топоров пишет: «И покаяние стало главной темой перед лицом чужеземного нашествия, а призыв к покаянию (но не к сопротивлению врагу) стал ответом русской духовности на вызов времени. Если угодно, это был ответ-призыв русской святости, обращенный к русскому народу, а через него и к самой себе, напоминание о своих собственных грехах и о своей вине, а не о грехах и вине тех, кого Господь избрал лишь орудием наказания за несправедную жизнь по кривде. Это обращение к самому себе, акцент на своей несправедности, на своем, а не на чужом зле, поиск пути внутреннего выхода из сложившихся обстоятельств составляют нравственный подвиг, плоды которого обнаружились существенно позднее...» (Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.П. Три века христианства на Руси (XII-XIV вв.). - М., 1998.-С. 206-207).
25. Бог наводит поганых, «не яко милуя ихъ, но насъ кажа» [23, с. 232], - выражает ясную для христианина мысль летописец. «Егда бо Господь Титу предасть Иерусалим, не Тита любя, но Иерусалим казня. И паки, егда Фоце преда Царь град, не Фоцу любя, но Иерусалим казня за людская прегрешения», - рассуждает на ту же тему автор «Повести о Михаиле Тверском» ([Охотникова В.И.]

- Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского дома. - Л., 1985. - С. 19).
26. *«Подобает в воинах быти и помнити всегда смертный час чистотою и со всякою добродетелен) к Богу и православной христианской вере; и таковому войску бывает невидимо, овогда и видимо от Бога помощь и одоление за таковую их добродетель к Богу на враги»* (Беседа преподобных Сергия и Германа валаамских чудотворцев // Летопись занятий Археографической комиссии. - СПб., 1895. - С. 22).
 27. Новая повесть о преславном Российском царстве // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI - начало XVII века. -М, 1987.
 28. Автор «Казанской истории» цитирует Евангелие [см.: Ио.10,16]. «Приведенная цитата из Евангелия от Иоанна <... > в данном контексте символически выражает религиозную сущность завоевания Казани, закономерность ее христианизации» (Трофимова В.Н. О жанре «Казанской истории»... С. 72).
 29. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1. Первый век христианства на Руси. - М., 1995.